

В.А. ЛЕКТОРСКИЙ, Ю.М. РЕЗНИК

О ЛИЧНОМ ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ФИЛОСОФА (13 декабря 2018 г.)

***Аннотация:** Беседа Ю.М. Резника с В.А. Лекторским состоялась в самом конце прошлого года. Она посвящена проблеме личного предназначения философа. Акцент в беседе делается именно на слове «личное». Речь идет не о социальной миссии философа, а о его сугубо личном отношении к своей профессии, которое связано в свою очередь с экзистенциальным выбором и жизненным опытом каждого. В центре внимания собеседников находится жизненный и профессиональный путь академика Лекторского, который работает в Институте философии РАН свыше 60 лет, в т.ч. 50 лет – в качестве заведующего сектора теории познания. За этот длительный период ему удалось пройти все ступеньки научной карьеры – от лаборанта и научного сотрудника до доктора наук и академика, руководителя целого направления.*

Круг общения В.А. Лекторского чрезвычайно широк и разнообразен. Он был лично знаком и сотрудничал с известными советскими и российскими философами – Г. Батищевым, В. Библером, А. Зиновьевым, Э. Ильенковым, З. Мамардашвили, Л. Митрохиным, В. Степиным, И. Фроловым, Г. Щедровицким, Б. Юдиным, со многими из которых его связывали дружеские отношения. Вместе с тем он является автором оригинальной исследовательской программы – конструктивного (деятельностного) реализма, который получил поддержку молодых ученых и успешно развивается уже длительное время.

Личное предназначение Владислава Александровича в философии проявилось в служении ей на протяжении многих десятков лет. Он пережил драматические времена, когда философы должны были отстаивать убеждения в ситуации идеологического диктата в советский период или доказывать своё право на существование в постсоветское время. На всех этих этапах В.А. Лекторский вел себя более чем достойно и по праву заслужил репутацию талантливого исследователя, замечательного руководителя и порядочного человека. Его многолетняя работа в качестве главного редактора журнала «Вопросы философии» и заведующего сектором теории познания Института философии РАН оставила неизгладимый след в научной судьбе многих коллег.

Лекторский Владислав Александрович – академик РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: v.a.lektorski@gmail.com;
Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.

Abstract: Conversation of Yu.M. Reznik with V.A. Lektorsky was held at the end of the last year. It is devoted to philosopher's personal destiny. The emphasis is placed on the word «personal». The talk is not about the social mission of philosopher, but about his purely personal attitude to his profession, which refers in turn to existential choice and life experience of everyone. The focus in this talk is on life and professional way of academician Lektorsky, who works at the Institute of Philosophy for over 60 years, including 50 years as a head of the Sector of theory of knowledge. For this long period he had passed through all the steps in his scientific career – from laboratory assistant and researcher to Doctor of Science, academician and the leading figure in his area of studies.

The social circle of V.A. Lektorsky is extremely wide and diverse. He was personally acquainted and collaborated with such famous Soviet and Russian philosophers as G. Batishev, V. Bibler, A. Zinoviev, E. Ilyenkov, Z. Mamardashvili, L. Mitrokhin, V. Styopin, I. Frolov, G. Schedrovitsky, B. Yudin; with many of them he was connected by bonds of friendship. At the same time he is the author of original research program – constructive (activity) realism, which has received a support of young followers and has been successfully elaborated for a long time.

Vladislav Alexandrovich's personal mission in philosophy is manifested in his longstanding serving to it. He's gone through dramatic times when philosophers had to defend their convictions in condition of Soviet ideological dictatorship or to prove their right to existence in post-Soviet era. In all these vicissitudes V. A. Lektorsky preserved the dignity and rightfully earned reputation of talented scholar, remarkable leader and honest person. His years of work as editor-in-chief of the journal «Questions of philosophy» and as a head of the Sector of theory of knowledge at the Institute of philosophy of RAS have left an indelible mark on the scholarly lives of many his colleagues.

Ключевые слова: философия, философ, личное предназначение, современный мир, жизненный путь, познание, смысл, истина, свобода, субъективность, когнитивные исследования, конструктивный реализм, философская школа, философский факультет МГУ, Московский логический кружок, Московский методологический кружок, Институт философии РАН, журнал «Вопросы философии».

Keywords: philosophy, philosopher, personal destiny, modern world, life path, cognition, meaning, truth, freedom, subjectivity, cognitive research, constructive realism, school of philosophy, Faculty of Philosophy of Moscow State University, Moscow logical circle, Moscow methodological circle, Institute of Philosophy of the RAS, journal «Questions of philosophy».

Резник Юрий Михайлович: Уважаемый Владислав Александрович!

Мы встречаемся с Вами накануне Нового года. Тема нашей беседы: «О личном предназначении философа». Как мы знаем, дискуссия о миссии философии и философов в современном мире продолжается. Она становится еще более актуальной в наше время, когда кольцо так называемого «реформирования» вокруг академической науки смыкается. Сегодня фундаментальная наука, к которой примыкает философия, не пользуется широкой поддержкой государства. Но философия в России переживала и более трудные времена. Я хочу задать Вам вопросы, что называется с «чистого листа». Ваши книги мне известны, равно как и яркие публичные выступления. Причём Вам уже приходилось не раз давать интервью. И мне бы не хотелось идти по знакомому и привычному пути.

Суть проблемы, которую я бы хотел предложить Вам обсудить в сегодняшней (надеюсь, не последней) беседе, состоит в следующем. Нам часто приходится слышать о повышении социальной и личной ответственности ученого (в нашем случае – философа)

фа). За этими разговорами стоят, как правило, социально-политические установки и значительно реже — общепрофессиональные требования. Поэтому вопрос о личной миссии ученого (и философа) зачастую подменяется вопросом о том, что он должен делать в обществе и для общества (государства). На самом деле разрыв между профессиональными требованиями, которые формулируются на языке чиновников от науки, и личными притязаниями (интенциями) философа, ориентированного на вызовы мира и вовлеченного в пространство идей мировой философии, только увеличивается.

Личное предназначение философа сродни его профессиональному кредо или любимому хобби. Оно потому личное, что зависит только (или точнее — в первую очередь) от него самого и определяется экзистенциальным выбором, осуществляемым на границе бытия и небытия («быть или не быть — вот в чем вопрос!»). В философии многие мысли и идеи надо пережить, прочувствовать и проверить на собственном опыте, прежде чем их выносить на публичное обсуждение. Это, к сожалению, не всегда понимают наши молодые коллеги, прекрасно знающие в оригинале разные философские тексты.

Давайте забудем на время о внешних требованиях и всех имеющихся у нас фактах официального признания (презентациях и самопрезентациях) и поговорим о насущном. Все мы, как известно, «великие», но каждый из нас велик по-своему и далеко не в той мере, в какой ему это иногда кажется. Начну с главного вопроса.

Ю.М.: Владислав Александрович! Вы — долгожитель нашего института. Вы пришли в аспирантуру в 1957 году, и вот исполняется ровно 61 год, как Вы пребываете в стенах Института. Вас отличает удивительное постоянство: сразу же после защиты кандидатской диссертации Вас назначили заведующим сектором диалектического материализма, который был переименован в сектор теории познания. Вы оставались в качестве заведующего сектором на протяжении очень длительного времени, по-моему, почти 50 лет. Все помнят Вас также в качестве главного редактора журнала «Вопросы философии», где Вы проработали на протяжении 21 года.

61 год — это по меркам человеческим, по сути дела, целая жизнь. Я давно хотел спросить Вас, в чём причина такого долгожительства? Что являлось основной мотивирующей силой? Этот вопрос я решил разбить на множество подвопросов. Начну, пожалуй, с вопроса, что послужило поворотным моментом в отношении ваших занятий философией? Будучи студентом, Вы попали в так называемое «дело гносеологов». Тогда это было чуть ли не подсудное дело. На протяжении вашего становления в философии вас сопровождали удивительные люди: это и Ильенков, и Зиновьев — целая плеяда ваших сокурсников, включая Батищева, которого вы знали лично, бывали у него дома, дружили с 4-го класса. Что подтолкнуло Вас к занятиям философией?

Лекторский Владислав Александрович: Большое спасибо за то, что Вы меня пригласили, хотя я долго отнекивался от этого разговора. Мне казалось, что я уже столько об этом говорил, что, может быть, нового ничего не скажу. Конечно, можно бесконечно что-то вспоминать, рассказывать о каких-нибудь интересных сюжетах. Но нужно ли? Что меня сподвигло стать философом? Честно говоря, почти до конца моей учёбы в школе я не предполагал, что стану тем, кем стал. Хотя, может быть, к этому дело шло, но всё же сначала я хотел быть историком. Я очень любил историю. У нас в школе был замечательный преподаватель истории — В.В. Сказкина, жена академика С.Д. Сказкина, известного историка средних веков. Она меня увлекла историей, я даже ходил в МГУ на день открытых дверей на историческом факультете, но потом уже чуть ли не во время выпускных экзаменов вдруг понял, что надо идти в

философию, потому что, кроме истории, меня увлекали и другие вещи, далёкие от истории, например, математика, физика.

А Генрих Батищев был моим другом, он на меня повлиял тоже. Каждый раз, когда я размышляю, были ли какие-то поворотные пункты, почему произошло то-то, я нахожу, что во многом это случайность. Вообще может показаться, что вся жизнь состоит из случайностей. Чего-то могло бы и не быть, жизнь могла иначе повернуться, пойти в другую сторону. Но, наверное, за этими случайностями есть всё же что-то неслучайное. Во всяком случае, выбор из разных возможностей ведь чем-то определяется, в частности, особенностями того, кто выбирает.

Вот ещё один важный факт, который повлиял на мою жизнь. 1953 год. Только что защитил кандидатскую диссертацию Эвальд Васильевич Ильенков. Ему было 30 лет, и он нам, студентам, казался глубоким стариком. Он стал вести спецсеминар, участником которого я был. Сначала я не принимал идей Ильенкова категорически, а потом постепенно как-то всё больше ими увлекался. Кончилось тем, что я стал верным адептом Эвальда Васильевича. Тогда я и решил заниматься тем, чем занимаюсь всю жизнь.

1954 год. На Ученом совете философского факультета МГУ обсуждаются «Тезисы о предмете философии» Э.В. Ильенкова и В.И. Коровикова. Я, студент 4 курса, решил выступить в защиту авторов этих «Тезисов», которых все и всячески поносили. Это имело серьёзные последствия для меня. Я в это время учился на 5 курсе, учился хорошо, меня рекомендовали в аспирантуру. Но после этого моего выступления какая аспирантура возможна? Потом я уже узнал, что на факультете в конце 1954 года стала работать комиссия ЦК КПСС: кто-то из преподавателей написал в ЦК, что на факультете завелись опасные люди в лице Ильенкова и Коровикова, которые смущают неокрепшие умы.

Потом я узнал, что по итогам работы комиссии было издано закрытое постановление ЦК КПСС о ситуации на философском факультете, и моя фамилия попала в это закрытое постановление, о чём я тогда не знал, хотя удивился, когда ко мне отношение со стороны руководства факультета вдруг резко изменилось. Конечно, после этого об аспирантуре не могло быть и речи. Хотя я окончил факультет с красным дипломом, но потом полгода искал, куда устроиться. Затем устроился как-то: лаборантом на кафедре философии Московского государственного экономического института.

Вот таких замечательных людей я встретил на старших курсах факультета: Ильенков, Зиновьев, Щедровицкий, Мамардашвили. Эти в высшей степени интересные и очень разные люди были рядом, хотя и горячо спорили друг с другом. Почему так бывает, что есть такие периоды, в культуре, в философии в частности, когда царит полный застой, а потом происходит какая-то вспышка, и сразу появляется много ярких людей, и при том очень разных? Они взаимодействуют друг с другом, спорят. Начинается интенсивная культурная жизнь. Английский социолог Коллинз пытается понять эту особенность в развитии философии с социологической точки зрения. Он исследует, в частности, феномен древнегреческой философии, когда Сократ, Платон, Аристотель были, в сущности, современниками. У нас такой философский взлёт произошёл в середине 50-х годов прошлого века.

В 2007 г. мы начали издавать серию «Философия России второй половины XX века». Я был главным редактором этого издания. Существовало мнение, что в советские годы в нашей философии не было ничего интересного, что в 1990-е гг. нужно

начинать делать отечественную философию с нуля. Но это мнение совершенно неверно. И мы попытались показать в серии из 22 томов, что в действительности во второй половине прошлого века в нашей философии работали многие интереснейшие люди и что их идеи не остались в прошлом, а живут сегодня новой жизнью. И вот, когда мы делали эту серию, я как-то подумал, что половину тех людей, о которых написаны эти тома, я ведь знал лично и обращался к ним по имени. Это были мои друзья. Я не всегда был полностью согласен с ними. Как я уже сказал, большое влияние на меня оказал Ильенков. С другими я мог спорить. Но в любом случае, это были мои друзья, мы «варились в одном котле» и взаимодействовали друг с другом.

Еще об одном событии, которое имело важные следствия. 1966 год. Я защитил кандидатскую диссертацию, работал в Институте философии. И вот приезжает сюда в Москву, а потом в Ленинград, известный философ из Югославии Михайло Маркович. Он приехал посмотреть, что делается в советской философии. Он считался у нас ревизионистом, потому что у него было свое понимание Маркса К тому же он не разделял принятой у нас теории отражения. Он встречался с Ильенковым, со мной, с Батищевым, ездил в Ленинград, видел там Игоря Кона и др.

Мы с Марковичем тесно общались, он домой к Ильенкову приходил, в это время и я там был. Потом Маркович вернулся к себе в Югославию. Проходит примерно месяц после его отъезда, я встречаю своего друга историка, который занимался Югославией. И он мне говорит о том, о чем попросил никому другому не рассказывать, Оказывается, Маркович, вернувшись к себе в страну, опубликовал в популярном журнале статью о поездке в Советский Союз. Он рассказал о своих встречах с советскими философами и при этом специально выделил мою книгу (которая только что вышла) и очень её похвалил. Мой друг историк посоветовал мне никому не говорить об этой публикации Марковича: ведь ясно же, что если тебя хвалит известный ревизионист, ты сам тоже ревизионист. Я никому об этом и не сказал.

Проходит ещё две недели. Вдруг у меня дома раздаётся звонок от Ивана Тимофеевича Фролова, который был тогда помощником секретаря ЦК по идеологии П.Н. Демичева. Тогда ещё я не был хорошо знаком с Фроловым. Иван Тимофеевич сказал: «Демичев узнал, что Вашу книжку хвалит ревизионист Маркович и попросил выяснить, а не является ли сам Лекторский ревизионистом». Фролов далее рассказал, как он прочитал мою книгу и сказал Демичеву, что Лекторский марксист, а книга его интересна. После этого И.Т. Фролов стал меня приглашать к Демичеву на разные обсуждения. Это был 1966 год, мне было 34 года, я не был заведующим сектором, никаких постов не занимал, только что защитил кандидатскую диссертацию. Когда Иван Тимофеевич стал главным редактором журнала «Вопросы философии», два года спустя он пригласил меня в редколлегию журнала.

Вот такие судьбоносные события происходили в жизни.

Ю.М.: Если бы была у Вас возможность и Вы могли вернуться в 1950-е годы, когда Вы только поступили на философский факультет, и с Вами произошло то, что произошло, Вы бы захотели с высоты сегодняшнего дня что-то скорректировать в своём прошлом? Какие-то моменты вычеркнуть, какие-то усилить? Есть ли у Вас сожаление о каком-то этапе Вашего жизненного пути или всё шло гладко и безукоризненно?

В.А.: В жизни не может всё быть гладко и безукоризненно, это ясно. Мой путь не был восхождением вверх от успеха к успеху. Но на самом деле были драматические моменты, когда я оказывался в чём-то отброшенным назад, когда вообще было неяс-

но, как дальше пойдёт жизнь. Мне не один раз приходилось занимать такую позицию, которая не принималась теми, кто тогда имел власть в философии, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Я уже рассказал о моём выступлении на философском факультете в 1954 г. с защитой «Тезисов» Ильенкова и Коровикова, что повлекло отказ в приёме меня в аспирантуру и последующие мои трудные поиски работы. В 1969 г. я выступил в защиту Ильенкова, которого обвинили в ревизионизме, на заседании Отдела науки ЦК КПСС, что в дальнейшем, когда директором Института философии стал Б.С. Украинцев, привело к попыткам ликвидировать наш сектор как «заражённый духом ревизионизма». Мне же объявили партийный выговор, воспользовавшись отъездом за рубеж нашего сотрудника Б.С. Дынина. Вообще ситуаций морального выбора было немало, а в таких ситуациях исход всегда непредсказуем. Я уже не говорю о тяжёлых событиях в личной жизни: в 1976 г. умер мой пятилетний сын, а в 1987 после тяжёлой болезни скончалась первая жена. Так что жизнь было далеко не безоблачной.

Но хотел ли бы я, чтобы моя жизнь сложилась как-то иначе? Она была непростой, эта жизнь. Но в принципиальном отношении я не хотел бы ее изменить, ведь она при всё этом была интересной и в целом осмысленной. Я общался с замечательными людьми, занимался делом, которое меня увлекало и которое я считал важным. Мне всегда казалось, и сейчас кажется, что мы делали и делаем какое-то важное дело, важное не только для нас лично, но для философии, для культуры. Сегодня мы живём в переломной ситуации. И философия сегодня — это не способ отрешенного от жизни академического рассуждения и тем более не средство заработать деньги. Больших денег нам никогда никто не платил. Но чувство некоей миссии было у многих из нас.

Конечно, в жизни были какие-то поступки, которые лучше бы не делать или сделать иначе. О чём-то я жалею. Каждый может себя упрекнуть за что-то. Я тоже. Но в принципиальных отношениях я всегда старался честно делать свое дело, и хотел жить так, чтобы потом не было стыдно.

Не могу сказать, что я всегда делал только то, что хотел, и были, конечно, ситуации, когда надо было искать компромисс, в том числе и моральный. Сейчас расскажу об одной такой ситуации. 1974 год. Сотрудник нашего сектора и мой заместитель по сектору Борис Семенович Дынин, оставаясь на работе в Институте, подал заявление об отъезде в государство Израиль (он не ушел с работы, как это тогда делали многие из тех, кто собирался эмигрировать). А к нам в это время пришёл новый директор Б.С. Украинцев, которому было дано задание разгромить два самых «ревизионистских» сектора: наш и сектор исторического материализма. И тут такой повод хороший нашёлся. Меня вызывают на партийное бюро и задают вопрос, как я допустил такое, как недоглядел и т.д.

В этой связи главным оказалось то, какой тебе вынесут выговор: простой или с занесением в личное дело. Если последний, то потом вызовут на заседание бюро райкома партии, а там могут и из партии исключить. В те годы это означало конец философской карьеры, а поскольку я был заведующим сектором, то, возможно, и разгон сектора. И вот партийное собрание Института. Я должен выступать на этом собрании. А что я должен говорить? Ясно, что в любом случае придётся ругать Дынина, сказать, что он плохо поступил, пытаясь эмигрировать из страны. Если попытаться его защищать, то могут исключить из партии тут же, на самом собрании. Но ведь большинство участников собрания уже тогда понимали, что Дынин как свободный

человек имеет право жить там, где считает нужным. Значит, я был вынужден говорить то, что не соответствовало моим убеждениям. Поэтому, когда я вспоминаю прошлое, я думаю и об этом случае, и, конечно, удовольствия при этом не испытываю в том числе и потому, что пришлось кривить душой. Но, повторяю, ситуация была очень жёсткой, и речь шла не только о моей судьбе, но и о судьбе сектора.

Между прочим, когда дело дошло до голосования, я с удивлением обнаружил, что в числе голосовавших за выговор с занесением в личное дело были и такие люди, которые мне казались до этого близкими. У меня были с ними доверительные отношения. По сути, это было предательством. Поэтому я не могу сказать, что я не жалею ни о чём, что было в прошлом. О чём-то жалею. Но всё-таки в принципиальном отношении я действительно старался жить так, чтобы потом не было стыдно. Я больше 60 лет работаю в Институте. Моя жизнь на виду у всех, ничего не утаишь. Пусть другие выносят мне оценку.

Ю.М.: Владислав Александрович, складывается впечатление, что все неприятности у вас были в советский период. Вы вспоминаете «дело гносеологов» в 1955-1956 гг., потом 1970-е, когда Украинцев пришёл директорствовать к нам. А вот в последние десятилетия таких ситуаций разве не было? Всё ли так было гладко?

В.А.: В последние десятилетия масса проблем возникла, вы же знаете. В советские годы, когда я был уже главным редактором журнала «Вопросы философии», мы начали великое дело — издавать серию «Из истории отечественной философской мысли». Мы издавали первые тома в 1989 году. Они были посвящены Владимиру Соловьёву, Николаю Бердяеву — людям, работы которых были в спецхране в советские годы. Их даже читать не все могли, а тем более нельзя было их издавать, переиздавать, писать о них, комментировать их тексты. Наша серия была новым явлением в культуре и не только в философии. Наш журнал выходил тогда в издательстве «Правда», и это издательство серию публиковало. Все шло хорошо до 1991 г. И вот наступил 1991 год, Советский Союз рухнул. Издавать серию некому, денег нет, издательство «Правда» прекратило существование. С большим трудом мне удалось с помощью очень хороших людей эти деньги найти и продолжить издание серии. Вот вам первая сложность.

1993 год. Моя основная работа — главный редактор «Вопросов философии». В Институте философии я работал на полставки, продолжал заведовать сектором (которым я начал заведовать в 1969 г.). Директор издательства В.И. Васильев собирает всех сотрудников журналов, которые издавало это издательство «Наука» (а мы в это время уже издавались в этом издательстве), и говорит: «Денег нет, дорогие друзья. Давайте выбирайте: либо мы вас сократим сейчас в несколько раз, либо несколько месяцев будете жить без зарплаты». Мы решили, что лучше без зарплаты проживём немножко, но сохраним людей.

Таким образом, в нашей жизни появились новые проблемы, которых не было в советские годы. Тогда были идеологические проблемы. В постсоветские годы начались трудности другого порядка. Журнал стал меняться. Он стал лучше. И вот почему. Возникла возможность делать то, что мы не могли делать раньше, стало возможно обсуждать те проблемы, которые раньше мы не могли обсуждать, публиковать то, что раньше не публиковалось. В эти годы у «Вопросов философии» был огромный тираж — 90 тысяч экземпляров! Никто сейчас не может в это поверить.

А вот уже проблемы принципиального характера. После развала Советского Союза в ряде СМИ появились публикации о том, что философия больше не нуж-

на. Причин называлось две. Первая: наша философия — это марксистская философия. С марксизмом покончили, Советского Союза больше нет, нет марксистско-ленинской идеологии, значит, нам не нужна философия, пропитанная марксизмом. Писали, что в 1922 г. российских философов выслали на известном «философском пароходе», и с тех пор, как утверждали некоторые люди, никакой философии в Советском Союзе не было, потому что просто быть ее не могло по сути дела. А то, что в Советском Союзе выдавалось за философию — это была не философия, а идеология.

Называлась и вторая причина того, почему нужно обойтись без философии: философия — это вообще что-то непонятное, неясно, зачем она нужна. Некоторые известные академики печатали в газетах письма о том, что преподавание философии в вузах нужно заменить преподаванием либо теологии, либо культурологии. В этой ситуации нужно было отстоять философию. С помощью нашего журнала мы это делали и я думаю, что мы эту задачу выполнили успешно. В 1995 г. пришло письмо в нашу редакцию от поэта Льва Лосева. Он уехал тогда в США, сейчас, наверное, уже умер. В своём письме он написал, что из всех российских журналов читает только один — «Вопросы философии».

Ю.М.: Владислав Александрович, мы действительно хотели сегодня сделать такую минипрезентацию вашей замечательной книги «Человек и культура». Все знакомы с вашей книгой «Философия. Познание. Культура», которая вышла значительно раньше, но новая книга в 2 раза толще, если не больше. Книга во всех отношениях замечательная. Конечно же, там содержится перепечатка многих Ваших статей, но есть статьи, которые составляют эпоху жизни каждого человека.

Помните, в журнале «Вопросы философии» было интервью Митрохина и Лекторского. Оно называлась, если я не ошибаюсь, «О прошлом и настоящем». Статья очень подробная: и хорошие вопросы задаются, и развернутые ответы относительно того, что успел сделать и делал Владислав Александрович. Сам же он там отмечает, кстати, что в советский период, во второй половине XX века в нашей философии были два основных героя — Ильенков и Зиновьев, между которыми постепенно возникла напряжённая ситуация и, кстати говоря, их ученики и последователи тоже разделились. Например, Щедровицкий ушёл от Зиновьева, как Вы говорили, Мамардашвили тоже сделал свой выбор и решил играть самостоятельно на профессиональном поприще.

Кстати, Вы утверждали в этом интервью и в других публикациях, что в то время существовали две самостоятельные, самобытные исследовательские программы: с одной стороны — Ильенков, с другой стороны — Зиновьев. Наверное, были ещё и другие, тот же Мамардашвили, которого мы уже упоминали. Несмотря на идеологический диктат, на сложности, которые были в то время, эти программы активизировали философскую жизнь страны и сняли некоторые ограничения.

Если обратиться к сегодняшнему дню, то можно ли говорить о том, Владислав Александрович, что такая программа есть у академика Лекторского, была у академика Стёпина, у других наших замечательных коллег, хотя отношения между ними порой складывались вполне дружеские? Какие основополагающие идеи вашей исследовательской программы вы могли бы обозначить и чем они отличаются, скажем, от исследовательской программы академика Стёпина или академика Гусейнова (кстати, о вас уже выпущены персональные тома в серии «Российская философия XX века»)? Так существуют ли между вами какие-то трения или вы идёте параллельными курсами?

В.А.: Как я сказал, я учился у Ильенкова, был его адептом, хотя сначала не принимал его идей, но затем ими проникся. А потом я стал читать что-то другое — между прочим, сразу после окончания университета. В 1955 году, как я уже сказал, меня не взяли в аспирантуру, я устроился лаборантом на кафедру философии Московского экономического института (ныне несуществующего, его потом слили с Институтом народного хозяйства им. Плеханова). Может быть, сейчас это сложно представить, но в 1955 году, т.е. ещё до XX съезда партии, вдруг в букинистических магазинах появилась масса книг, которые раньше не продавались и вообще были недоступны. Я тогда купил дореволюционные издания Э. Маха, А. Бергсона, Г. Гуссерля, Э. Кассирера, В. Виндельбанда, Г. Риккерта и многих других известных философов. Я был воспитан в марксистской философской парадигме. Ильенков был ревизионистом с точки зрения наших ортодоксов, но он был, конечно, настоящим марксистом. В тех книгах, которые я тогда купил и которые стал читать, обсуждались такие проблемы, о которых у нас тогда не говорили. Сами подходы к философии были другими. Но эти книги были написаны интересно, авторы были оригинальными мыслителями и будили мысль.

Я поступил в аспирантуру Института философии в 1957 году. А в 1959 г. из Грузии в наш Институт приехал известный философ К.С. Бакрадзе и стал читать лекции по истории новейшей философии: Гуссерль, феноменология, неокантианство и т.д. Это было интересно и позволило выявить какие-то новые измерения в философской проблематике. А затем я начал самостоятельно изучать современную англо-американскую аналитическую философию. Дело в том, что А.А. Зиновьев (а я его хорошо знал ещё со студенческих лет) тогда сменил круг своих интересов и начал заниматься символической логикой. И он мне посоветовал читать литературу, связанную с использованием современных логических средств в решении философских проблем. А это и есть аналитическая философия. То же самое советовал делать мне мой старый друг ещё по школе, ныне известный логик Виктор Константинович Финн, который после окончания философского факультета МГУ закончил также механико-математический и стал заниматься той проблематикой, которая впоследствии вошла в область Искусственного Интеллекта.

Я начал изучать эту литературу не потому, что решил отказаться от тех способов понимания философии и её проблематики, которые я усвоил у Ильенкова. Не в этом дело. Я хотел убедиться в том, что те проблемы понимания познания и знания, которые обсуждаются в современной западной философии, могут быть поняты иначе и лучше с позиций, разрабатываемых в русле идей Ильенкова. Но для этого, как я считал, нужно знать современные дискуссии в западной философии. И мне пришлось уже в 1957-1959 гг. читать на английском языке Л. Витгенштейна, Г. Райла и других известных представителей аналитической философии. В то же время у меня были дружеские и научные связи с выдающимися психологами — В.В. Давыдовым и В.П. Зинченко. Наши психологи, исходившие из психологической теории деятельности, в это время заинтересовались работами известного швейцарского психолога Ж. Пиаже. А последний претендовал на решение принципиальных философских проблем, связанных с пониманием познания. Я изучил французский и прочитал три тома его большой (не переведенной на русский язык) работы «Введение в генетическую психологию» (между прочим, до сих нет такого перевода).

Для моего философского учителя Эвальда Васильевича эта литература и обсуждавшиеся в ней проблемы как бы не существовали. Между тем, в той новой ситуа-

ции, которая возникла у нас в философии и в науках о человеке после XX съезда партии, эта проблематика многих стала интересовать. Нужно было также принимать во внимание начавшийся взлёт исследований в области символической логики (среди философов и математиков) и выросший в этой связи интерес к современной аналитической философии. Мне казалось, что можно и нужно осмыслить эту новую для нас проблематику в русле деятельностных и культурно-исторических представлений, разработанных в нашей философии и психологии. В философии — это, прежде всего, работы Э.В. Ильенкова. В психологии нужно отметить традицию, идущую от С.Л. Рубинштейна и Л.С. Выготского, включая А.Н. Леонтьева и П.Я. Гальперина.

Я попытался осуществить свой замысел в ряде публикаций, в частности, в книге 1980 г. «Субъект, объект, познание». Я и сейчас продолжаю работать в этом направлении и думаю, что это плодотворный путь исследования современных проблем теории познания и философии сознания. Я считаю, что те поиски в нашей философии и психологии, которые продолжают традиции Ильенкова и Выготского на современном уровне и принимают во внимание то, что сегодня делается в когнитивных исследованиях и других науках о человеке, не только не потеряли актуальности, но, напротив, особенно востребованы именно сегодня. Я смог убедиться в этом, работая, начиная с 1990-х гг., в разных международных структурах и участвуя во многих дискуссиях с зарубежными коллегами: философами и психологами (в течение 15 лет я был членом Исполкома Международного общества по изучению деятельности в контексте культуры, членом Совета Директоров Международной Федерации философских обществ; многие мои работы опубликованы за рубежом, я лично знаю некоторых известных философов и психологов).

В итоге я разработал концепцию, которую назвал «конструктивным (деятельностным) реализмом». Мне кажется, что в её рамках можно обсуждать и решать многие проблемы, которые сегодня являются предметом острейших дискуссий в эпистемологии, философии сознания, философии когнитивных исследований. А сегодня все эти исследования переживают взлёт и распространяются на изучение культуры и общества, на понимание человека и его будущего. Это, если угодно, и есть моя исследовательская программа, к которой я пришёл в результате многолетних поисков. Я рад, что немало моих коллег (в т.ч. из молодёжи) разделяют эту программу.

Я считаю, что эта исследовательская программа успешно включается в те споры, которые сейчас идут в мировой философии. Сейчас, как мне кажется, не только для философии, не только для науки, но и для человечества в целом наступил какой-то новый этап, когда встает вопрос о том, куда мы движемся и сохранится ли вообще человек? Что такое человек и где его границы, в какой степени можно менять его? Сейчас широко обсуждается идея улучшения человека. Есть ли в человеке некое ядро? Не так давно была презентация книги Бориса Григорьевича Юдина, которая называется «Человек: выход за пределы». Борис Григорьевич, обсуждая проблему «ядра» человека, признавал, что это ядро сегодня как-то «плывет»: человека трансформируют, проводят пересадку органов, идут исследования по теме клонирования, изучаются возможности воздействовать на генную систему, появляются разные искусственные приспособления как «дополнения» и «расширения» человека: роботы, автоматы, искусственный интеллект. И где же границы человека?

Мы уже вошли в некую пограничную ситуацию, не только в отношении отдельных индивидуумов, но в отношении всего человечества. Споры, которые раньше ка-

зались, может быть, слишком академическими: что такое сознание, свобода воли, что такое субъективность — сегодня, не переставая быть теоретическими, стали смысло-жизненными. Для меня идея конструктивного реализма — это способ понимания всех этих дискуссий, способ, как мне кажется, понимания того, что есть человеческое в человеке, чем в человеке нельзя жертвовать в любом случае, ведь если мы этим жертвуем, тогда это конец, тогда ничего не нужно: ни философия, ни что-либо другое. Поэтому для меня эта проблематика — не просто предмет личного теоретического интереса, но и вопрос ценностный: «зачем жить?». Равнодушно думать о таких вопросах невозможно, так как они касаются глубочайших ценностных убеждений.

Как моя программа относится к программам моих коллег В.С. Стёпина и А.А. Гусейнова?

Интереснейшие идеи В.С. Стёпина об исторических типах рациональности (и в этой связи о так называемой постнеклассической рациональности), о формах цивилизационного развития и о так называемой техногенной цивилизации мне неоднократно приходилось обсуждать с их автором. Я писал об этих идеях и об основанной на них исследовательской программе. Я считаю, что Вячеслав Семёнович был одним из крупнейших наших философов, а его философская программа весьма плодотворна. Я разделяю эти идеи. Моя программа не противоречит стёпинской, а дополняет её, ибо в её центре находятся такие проблемы, которые не являются центральными для программы Стёпина: дилемма конструктивизма и реализма в истолковании познания и деятельности, взаимоотношение естественного и искусственного, возможности и границы трансформирования человека, природа субъективности и др. Вячеслав Семёнович был хорошо знаком с моими идеями и поддерживал их.

Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов, как известно, наш крупнейший исследователь моральной философии. Я знаю его идею этики ненасилия, его концепцию «негативной этики». Я считаю его исследовательскую программу в области этики, основанную на этих идеях, интересной и перспективной. Но непосредственных точек соприкосновения у наших программ нет. Правда, в своё время мне пришлось изучать проблему толерантности и сформулировать в этой связи ряд соображений. Они вызвали интерес Абдусалама Абдулкеримовича, мы вместе с ним в 2009 г. участвовали в Англии в российско-британском семинаре по проблеме толерантности и обнаружили много общего в понимании этих вопросов.

Ю.М.: Конечно, я наивно ожидал, Владислав Александрович, что Вы будете говорить о борьбе идей, но боюсь, что борьба в нынешнем состоянии отечественной философии — явление совершенно излишнее. Все занимаются своими участками, каждый на своем огороде высаживает какие-то цветы, и при этом все довольствуются тем, что они делают. Наверное, это — тенденция нашего времени. Когда то речь шла о философских школах. Но это — явление прошлых времён, даже у тех же Зиновьева и Щедровицкого были кружки: сначала Московский логический кружок, потом Московский методологический кружок. Они не осмелились назвать их школами, хотя многие их ученики считают себя их последователями. Можно ли говорить сегодня о противоборстве программ?

В.А.: О моей программе я только что Вам рассказал. Теперь о философской полемике в прошлом и настоящем. В советские годы дискуссии между представителями разных философских программ были очень острыми. Я специально писал об этом как исследователь истории советской философии второй половины XX в. (об этом, в

частности, рассказывается в вышедшей под моей редакцией в 2012 г. книге «Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX века: современный взгляд»; между прочим, эта книга только что вышла в Англии в известном издательстве).

Что касается современности, то я могу сказать следующее. С одной стороны, действительно, произошла некая атомизация философской жизни. Если раньше статьи и книги Э. Ильенкова, А. Зиновьева, Г. Щедровицкого, З. Мамардашвили, В. Библера и др. привлекали всеобщее внимание и вызывали бурные обсуждения не только тех, кто непосредственно занимался проблематикой этих философов, но и в рамках самого широкого философского круга, то сегодня такого не наблюдается. Наши философы как бы разбрелись по разным дисциплинам. Сегодня специалисты по социальной философии, как правило, не знают о том, что делается в эпистемологии, а исследователи философии науки не интересуются этической проблематикой. Это плохо, так как очень разные проблемы в философии взаимосвязаны и «окучивание собственной философской делянки» не идёт на пользу философии в целом.

Но в этой связи я хочу заметить, что внутри разных философских подразделений полемика продолжается и при этом иногда в очень острой форме. Я сказал о том, что моя программа конструктивного реализма принимается целым рядом философов и психологов. Это не значит, что у неё нет противников. Моя программа, как я сказал, продолжает в современной ситуации развивать ряд идей Ильенкова и культурно-исторического и деятельностного понимания сознания. Но у Ильенкова всегда было множество противников. Эти люди активны и в настоящее время. Один из них — известный философ Д.И. Дубровский. Он продолжает до сих пор атаковать идеи Эвальда Васильевича. Естественно, что Дубровский не может разделять и мою исследовательскую программу, что не мешает нам работать в одном секторе. Могу сказать в этой связи, что на заседаниях нашего сектора каждый обсуждаемый текст вызывает яростную дискуссию.

Я знаю, что далеко не все наши философы разделяют идеи Стёпина о постнеклассическом типе рациональности. Что касается моего отношения к идеям Стёпина, то могу заметить, что я познакомился с первым вариантом его будущей программы ещё в 1969 г., т.е. 50 лет тому назад, когда Вячеслав Семёнович работал в Минске и не занимал никаких руководящих постов ни в Белоруссии, ни тем более в России. Более того, его положение тогда было очень уязвимым, на него шли нападки со стороны официальных белорусских идеологов. Уже в то время идеи Стёпина вызвали мою симпатию, и эта близость его идей к моим философским представлениям укреплялась с течением времени независимо от того, какие официальные посты он занимал.

Конечно, полемика — способ развития философии. Без неё она просто не существует. Я бы только не стал называть это «борьбой», так как этот термин ассоциируется с некоей агрессией и желанием уничтожить противника, а в философии полемика вызвана стремлением докопаться до истины, поэтому оппонент в таком споре не противник, а партнёр по поиску истины. Между прочим, хотя Ильенков и Зиновьев оппонировали друг другу ещё со времён учёбы в аспирантуре, они были друзьями на протяжении десятилетий. Я не во всём был согласен с Батишевым. Но мы были друзьями с школьных лет. Как я сказал, мы спорим с Дубровским. Но наши отношения остаются дружескими.

Приведу пример одной современной полемики, в которой я участвовал совсем недавно. А.В. Смирнов опубликовал в «Вопросах философии» интересную статью, в

которой отстаивал идею о том, что в арабско-мусульманской философии существует иное, чем в европейской, понимание разума и другое понимание силлогизма. Я написал комментарий к его статье, в котором согласился с рядом его идей, а с некоторыми поспорил. Это не есть «борьба идей». Это разговор людей, заинтересованных в истине. О «борьбе идей», которой придавался идеологический смысл, любили говорить в советские годы.

Теперь о философских школах. Я считаю, что хотя термин «школа» иногда применяют в отношении философии, говорят, например, об «аналитической школе», но «школа» в отношении философии — не совсем хороший термин. Школы бывают в науке: какой-то известный учёный предлагают некие идеи или парадигму, или программу исследований, и появляются ученики, которые безоговорочно принимают эту программу и пытаются применять эти идеи для решения конкретных задач. В философии так не получается. Каждый философ, если он действительно философ, претендует на оригинальность, на свое собственное видение проблем и способов их обсуждения и решения. Он, конечно, зависим от влияний, какие-то идеи ему нравятся, какие-то нет, он к кому-то будет ближе, от кого-то будет дальше. Это естественно. Я же сказал, что без Ильенкова не стал бы тем, кем я стал, и в этом смысле я всегда подчеркиваю, что я его ученик. Но была ли у него школа? Да, и сейчас есть люди, которые пытаются сегодня, после смерти Эвальда Васильевича такую школу создать. Но ведь это школа всё же в условном смысле слова. Вот Вы сказали, что был кружок у Зиновьева. А у Г. Щедровицкого это был не просто кружок. В нём была железная дисциплина: перед каждым публичным выступлением Георгий Петрович распределял роли среди своих адептов, определял, кто и что будет говорить, кто будет ему отвечать и т.д. Как это ни удивительно, такой способ функционирования кружка Щедровицкого не помешал тому, что из него вышло немало интересных людей с оригинальными идеями. Регулярно собирал свои семинары Библер. У Ильенкова не было такой школы. Мамардашвили никогда не пытался создавать школу. Он просто писал и выступал. Это не помешало ему быть очень влиятельным. Я тоже не собираюсь организовывать собственную школу. Я пишу, выступаю, пытаюсь решать современные проблемы, связанные с развитием когнитивных исследований и наук о человеке. Кому-то нравится то, что я делаю. Кому-то нет. Так что моя программа — это программа исследований — моих личных и тех, кому это близко. А никакой задачи собрать вокруг себя как можно больше людей у меня нет и никогда не было.

Ю.М.: Я согласен с таким пониманием. Владислав Александрович, говорят, что мы все родом из детства. Ваши родители — учителя. Оканчивали Московский государственный педагогический институт. Затем познакомились и образовали семью. Что Вы взяли от родителей? Что повлияло со стороны родителей на формирование Вашего характера, личности?

В.А.: Трудно сказать точно, но влияние было и притом большое. Родители оба из Владимирской области, но папа из небольшого городка, мама из деревни, из крестьянской семьи. Когда началась война, мы уехали с мамой из Москвы туда. Папа был на фронте. Семья была с крестьянскими традициями: веди себя по совести; делай так, чтобы не было потом стыдно; нельзя сидеть без дела. Папа преподавал литературу, у нас дома была большая библиотека. Папа привил мне любовь к русской литературе, русской истории. Всё это я читал с детских лет. Он давал мне рекомендации, что нужно обязательно прочитать.

Ю.М.: В дополнение к этому поговорим не просто о любви к мудрости, а о любви к философии. Скажите, за что Вы любите философию, и отвечает ли она Вам взаимностью? Ведь Ваш путь в философию уникален. Как случилось, что Вы ее полюбили, и образовался Ваш союз с философией?

В.А.: Когда я стал заниматься философией, то понял, что это интересно. Это первое. Второе, понял, что философия — это очень важные вещи. Занимаясь философией, я могу осмысливать, думать, размышлять над какими-то очень серьёзными смысловыми вопросами. Когда я пришел в философию, то еще не знал, что меня ждёт, что будет так много проблем, волнений и сложностей. После окончания университета я долго не мог найти работу, и мама тогда меня спрашивала, зачем я выбрал философию. Несмотря на все эти перипетии, я ни разу не раскаялся в том, что стал философом. Наоборот, всегда считал, что замечательно заниматься таким делом, которое и мне лично интересно, и интересно другим, при этом таким, которое важно для человека и культуры.

Поэтому любовь к философии возникла давно и не куда не исчезла. Когда я читаю тексты интересных авторов, то очень увлекаюсь до сих пор. А вот что касается взаимности в этой любви, то не мне судить об этом. Когда я заканчиваю какой-то текст и перечитываю его, мне каждый раз кажется, что я написал хорошо. Наверное, так и должно быть — иначе я не стал бы этот текст публиковать. Но когда проходит время, и мне приходится вновь перечитывать то, что я раньше написал, то почти всегда я бываю недоволен: кажется, что вот то-то можно было написать лучше и яснее, то-то можно было лучше разъяснить и т.д. Поэтому написанные ранее мои статьи и книги я не люблю перечитывать. Правда, должен сознаться, что бывали случаи, когда я возвращался к какому-то моему старому тексту и вдруг удивлялся тому, как это хорошо написано. Но это бывает не часто.

Ю.М.: К вопросу о предназначении. В одной дискуссии 2013 г. утверждали, что «не каждый великий философ предлагает принципиально новое видение мира». Из чего следует, что построение собственной философской системы сегодня уже не столь актуально. Но все же многие пытаются творить нетленку, создавать огромные труды. Есть ли среди Ваших работ (а Вы к философии относитесь глубоко лично) такие, которые Вы считаете своей визитной карточкой, олицетворяющей Вас как Лекторского?

В.А.: Философия занимается вроде бы одними и теми же проблемами: что есть истина, что можно знать, что нужно делать, в чём природа субъективности, что есть человек и др. Но в каждую конкретную эпоху эти «вечные» проблемы получают конкретное наполнение, зависимое от существующей науки и культуры. А поскольку наука и культура, и связанный с ними человек всё время меняются, то решение, данное этим вечным проблемам в одно время, не будет действовать в других обстоятельствах. Снова придётся давать ответы на эти вопросы, которые в новой ситуации приобретают новый смысл.

Вечные вопросы потому и вечные, что в каждой новой культурной ситуации их приходится решать заново. Конечно, философия — это систематическое мышление. Я уже говорил о том, что проблемы, существующие в разных разделах философии, не изолированы друг от друга, а взаимосвязаны. Но систематичность философского мышления не означает возможность построения таких систем, которые окончательно решают вечные проблемы. Каждое такое решение допускает возможность пересмотра в новых условиях. Поэтому время философского системосозидания

ния безвозвратно прошло. Можно считать, что к счастью. А кто-то скажет, что к сожалению.

Я пытался и пытаюсь мыслить системно, отдавая вместе с тем себе отчёт в том, что каждый системный синтез в философии всегда условен, так как может быть развит, дополнен, скорректирован, изменён. Я исследую проблемы эпистемологии, философии науки, философии сознания, философии когнитивных наук и вместе с тем выхожу на проблемы философии культуры, философской антропологии, моральной философии. Мои идеи достаточно полно выражены в моих книгах: «Субъект, объект, познание» (1980), «Эпистемология классическая и неклассическая» (2001), «Философия, познание, культура» (2012), «Человек и культура» (2018).

Ю.М.: *Существует распространённый взгляд на философию как мышление в свободе. Межуев часто говорил, что философия – это дело свободного человека. Как Вы считаете, в нашем не очень свободном обществе что-то происходит с философией? Насколько свободны философия и сами философы? Должны ли они свободно мыслить, живя в несвободном обществе? Возможно такое?*

В.А.: Здесь несколько вопросов. Можно ли быть свободным человеком в несвободном обществе? По-моему, можно. Хотя это очень трудно. О какой свободе идет речь? Если о внешней, политической свободе, то живя в несвободном обществе, нельзя быть свободным человеком. Но если говорить о свободном мышлении, об ответственности перед самим собой за то, что вы делаете, то такие люди есть и были всегда.

Если взять историю русской культуры, то было ли у нас когда-нибудь свободное общество? Ведь Пушкин жил при крепостном праве. А разве он не был свободным человеком? Конечно, был. Он же писал о том, что считал нужным, и отвечал за то, о чем писал. В стране не было демократии, политических партий, была монархия. Такова наша история, что люди, являющиеся гордостью нашей культуры, сумели быть внутренне свободными в таких несвободных условиях. Вообще заниматься творческой деятельностью, если вы внутренне несвободны, нельзя. Вы высказываете какие-то идеи, с кем-то спорите, отвечаете за то, что вы сказали, при этом считаете, что ваш оппонент – тоже свободный человек.

Наука, любая культурная деятельность без свободы невозможны. Одно время была популярна идея о том, что свобода и рациональность несовместимы. Ведь рациональность загоняет тебя в определенные правила, а следование таким правилам исключает свободу. Известный психолог Б. Скиннер в 1970-е гг. прошлого века написал книгу «По ту сторону свободы и достоинства». Он занимался психологией и проблемами обучения и считал, что принципы программируемого обучения нужно распространить на все социальные процессы. И в таком программируемом обществе не может быть, с точки зрения Скиннера, никакой свободы. Сейчас такие идеи снова обсуждаются в связи с роботизацией, с использованием искусственного интеллекта.

Но что такое свобода вообще? Кант писал, что свободный человек – это человек, который действует в силу внутренней моральной необходимости. Но вы сами себе ставите моральный закон. Не кто-то вас извне ограничивает. Вы сами знаете, что можно и что нельзя делать. И потому образцом свободного человека является Лютер, который сказал: «На том стою и не могу иначе». Неверно мнение о том, что свобода и рациональность несовместимы. Ведь настоящая рациональность – это не следование жёстким и неизменяемым правилам, а возможность рационального пе-

ресмотра самих правил в связи с новой ситуацией. Рационально мыслящий человек отвечает за свои утверждения и считает, что его оппонент тоже такой же ответственный, как и он, а значит, свободный человек.

В.М. Межуев считал, что проблема свободы — это единственная проблема в философии. На самом деле она не единственная, хотя и одна из важнейших. Она стала особенно острой в Новое время. В Античности само собою разумелось, что есть свободные люди и несвободные — рабы. Свободные люди могут заниматься философией. Свобода понималась как некий фон для нормальной жизни, в т.ч. для занятий философией. В Новое время свобода стала одной из фундаментальных проблем: у Канта, Кьеркегора, экзистенциалистов. Между прочим, все глубокие философские проблемы парадоксальны. Свобода без необходимости невозможна. Но как понимать эту необходимость, как внешнюю или внутреннюю? Поэтому Вадим Михайлович отчасти прав, отчасти нет. Конечно, если ты несвободный человек, ты не будешь заниматься ни философией, ни каким-либо творчеством.

Что же касается современного мира, то я не могу сказать, что он стал менее свободным. В чём-то, может быть, и стал. Но во многих отношениях мир сделался слишком свободным, поэтому неопределённым, непредсказуемым и очень рискованным. И одна из современных философских проблем состоит в следующем: как жить в этом неопределённом и непредсказуемом мире? У философов сегодня есть достаточное большое пространство свободы, чтобы искать ответ на этот вопрос. Другое дело, как найти этот ответ.

Ю.М.: *Согласен с Вами, Владислав Александрович. Спасибо за содержательный разговор.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Лекторский В.А. Философия в современной культуре. — СПб.: СПбГУП, 2007. — 24 с.
2. Лекторский В.А. Философия. Познание. Культура. — М.: КАНОН+, 2012. — 384 с.
3. Лекторский В.А. Человек и культура. Избранные статьи. — СПб.: СПбГУП, 2018. — 640 с. (Классика гуманитарной мысли. Вып. 4).

BIBLIOGRAPHY

1. Lektorskiy V.A. Filosofiya v sovremennoy kulture. — SPb.: SPbGUP, 2007. — 24 s.
2. Lektorskiy V.A. Filosofiya. Poznanie. Kultura. — M.: KANON+, 2012. — 384 s.
3. Lektorskiy V.A. Chelovek i kultura. Izbrannye stati. — SPb.: SPbGUP, 2018. — 640 s. (Klassika gumanitarnoy mysli. Vyp. 4).

Поступила в редакцию 14.02.2019 г. (№ 2341)